

Мысли Государственного наставника метались, и он уже собирался заговорить.

Его осведомлённость тоже была не лишней — Седьмая принцесса и впрямь находилась в полной изоляции, и это не было притворством.

Раз так, почему бы не привлечь на свою сторону эту, казалось бы, беззащитную, но явно обладающую немалой ценностью принцессу? Пусть послужит ему!

Именно поэтому, услышав рецепт от Янь Лян, он тут же изобразил на лице изумление. Во-первых, это был знак доброжелательности с её стороны, во-вторых, он получал повод удалиться от императора, а в-третьих... даже если привлечь принцессу не удастся, он всегда мог присвоить рецепт, а её саму — устранить.

Убедить императора для него было сущей безделицей.

Однако он не ожидал, что Янь Лян опередит его.

«Государственный наставник, — Янь Лян слегка подняла голову, и в уголке её губ мелькнула загадочная улыбка, — в течение месяца мы не будем вмешиваться в дела друг друга. Через месяц ваш господин должен явиться ко мне, и мы обсудим всё лично».

Да, за Государственным наставником, конечно же, стоял другой.

Несколько лет усилий, потраченных на то, чтобы внедрить в окружение императора Цяньина столь доверенное лицо — наставника, такая грандиозная схема... для чего? Разумеется, ради трона. Тем, кто стоял за наставником, был тот, кто в будущем воссядет на трон, новый император династии Дажун, соседский принц-заложник И Пу.

Едва Янь Лян договорила, как лицо наставника переменялось.

«Государственный наставник может не тревожиться, — Янь Лян знала, о чём он сейчас думает. — За мной стою лишь я сама. Слишком долго я томилась в клетке, и теперь, вырвавшись, жажду устроить переполох. Моё возвращение во дворец за три дня и рецепт пилюли — это лишь демонстрация моих возможностей. В течение следующего месяца я покажу вам и вашему господину и мою силу, и мою искренность. Тогда ваш господин и примет решение».

Хотя слова её звучали как просьба, тон нисколько не был просительным. Напротив, в нём слышалась непоколебимая, почти дерзкая самоуверенность.

Такова была привычка Янь Лян. В прошлой жизни, будучи Демоницей в кровавых одеждах, чьё слово или действие могли всколыхнуть всю Поднебесную, она и в этой жизни не собиралась меняться.

В конце концов, она намеревалась предложить сотрудничество И Пу, и лучше сразу показать будущему союзнику своё истинное лицо.

И ещё... зная характер И Пу, она была уверена: этот будущий император обладал истинно великими талантами правителя. Он никогда не гнушался дерзких — лишь бы у тех были основания для дерзости. Напротив, он с радостью привлекал таких способных людей к себе на службу — он умел с ними справляться.

Янь Лян же не питала ни малейшего желания оспаривать власть у И Пу. Она лишь хотела выстлать свой будущий путь цветами и узорами, дабы, когда Му Цинмянь присоединится к ней,

их дорога была гладкой и приятной. После этого она вместе с Му Цинмянь покинет дворец и отправится странствовать по свету — к чему тогда погрязать в дворцовых интригах?

Поскольку она не собиралась посягать на коренные интересы И Пу, их сотрудничество могло сложиться самым благоприятным образом.

Как она и ожидала, услышав её слова, Государственный наставник вновь погрузился в раздумья.

Спустя мгновение он произнёс: «Да будет по слову вашего высочества».

Наставник знал: его господин как раз больше всего ценил таких людей, как Седьмая принцесса.

Честолюбие и способности. Первое — это уязвимость, слабость, которую можно использовать для контроля, острый угол, за который можно ухватиться. Второе — это капитал, сила, которая может стать опорой и помощью.

Первое в этой принцессе проявилось уже в полной мере. Что касается второго — посмотрим, как она проявит себя в течение месяца.

Янь Лян слегка кивнула: «Что ж, будем ждать».

Временное соглашение достигнуто, и Янь Лян собралась удалиться. Рецепт, разумеется, оставался у наставника, и именно он будет готовить пилюлю для императора. После этой договорённости наставник, вероятно, не станет что-либо добавлять или убавлять в рецепте, а честно изготовит снадобье, дабы император наконец-то вкусил радость здоровья. Это обеспечит Янь Лян больше возможностей для манёвра, а императору прибавит доверия к ней.

«Ваше высочество, постойте», — остановил её наставник.

Янь Лян обернулась: «Да?»

«Откуда вы взяли этот рецепт?» — спросил он.

Басни о том, что рецепт приснился покойной вдовствующей императрице, годились для одурачивания простаков, но никак не для того, чтобы обмануть его, наставника.

Его этот вопрос занимал, ибо рецепт и впрямь был изумительно тонок и драгоценен, вызывая у наставника неподдельный интерес.

Впрочем, он не питал особых надежд, что Янь Лян ответит искренне. Столь сокровенные вещи не разглашают просто так. Скорее всего, принцесса отмахнётся, сказав, что это не имеет отношения к их сотрудничеству.

И всё же... он не мог не попытаться спросить.

И тогда он увидел, как на лице принцессы, до этого дышавшем уверенностью и лёгкой небрежностью, расцвела улыбка, достигшая самых глубин её глаз.

Янь Лян сказала: «Мой возлюбленный подарил».

Этот рецепт и вправду был создан в прошлой жизни Му Цинмянь специально для лечения её, Янь Лян.

Наставник: «...»

Ему вдруг показалось, что улыбка принцессы несколько режет глаз.

Да и в голосе её... словно звенела нескрываемая гордость?

Впрочем, историю про возлюбленного наставник не принял всерьёз. Девочка эта вела себя слишком уж загадочно, и подозрительных моментов было множество. Он решил придерживаться одного принципа: не верить её рассказам.

Понимая, что больше ничего не добьётся, он отложил этот вопрос.

Янь Лян вышла из Сандалового чертога. Снаружи её ждал Ли Чжундэ.

Будь это в прошлой жизни, она никогда не удостоилась бы такого обращения. Мало того что такой важный сановник, как Ли Чжундэ, ни за что не стал бы её сопровождать или дожидаться её — даже самый младший евнух, которому поручали провести её, делал это спустя рукава, бросал у цели и уходил, не заботясь о том, как она доберётся обратно. Если уж на то пошло, хорошо ещё, если при этом он не строил ей козни и не корчил презрительные гримасы.

Янь Лян помнила: до «Смуты у Сандаловых врат» в прошлой жизни она, дочь опальной наложницы, не могла избавиться от клейма «зловещей звезды» и «несчастья». За исключением таких приставленных к ней служанок, как Тао Юнь, которые вынуждены были прислуживать ей в Холодном дворце, большинство обитателей дворца попросту старались не приближаться к Янь Лян, дабы ненароком не навлечь на себя скверну.

Но теперь всё было иначе.

Янь Лян видела: Ли Чжундэ стоял на том самом месте, где оставил её, провожая в чертог, не сделав ни шага в сторону. Осанка его была естественной, без тени подобострастия, но исполненной почтительности.

Очевидно, этот приближённый императора намеренно выражал ей своё почтение.

В глазах Янь Лян мелькнула тень интереса.

Ли Чжундэ был человеком, которого она знала довольно хорошо. После «Смуты у Сандаловых врат» во дворце прошла большая чистка, и уцелела лишь горстка слуг. Ли Чжундэ как раз оказался среди них.

При императоре Цяньине он был заместителем главного евнуха. Когда же новый император взошёл на престол и укрепил свою власть, Ли Чжундэ стал главным евнухом, несомненным первым лицом среди всех дворцовых слуг.

Янь Лян познакомилась с ним, уже будучи принцессой, и тогда, ещё мало что понимая, лишь чувствовала, что этот старший евнух служит как-то особенно старательно и предупредительно. Теперь же она с лёгкостью разглядела: этот будущий главный евнух был прелюбопытнейшей личностью, мастером на все руки в искусстве распознавания людей и умении принаравливаться к обстоятельствам.

Ли Чжундэ отвесил церемонный поклон: «Её высочество Седьмая принцесса».

«Трудились, дожидаясь меня», — мягко сказала Янь Лян.

«Сие — долг вашего слуги, — ответил Ли Чжундэ. — Прошу ваше высочество следовать за мной для размещения».

В душе он, впрочем, слегка трепетал.

Раз принцессу вернули во дворец, надлежало определить ей место проживания. По правилам, принцы и принцессы, возвращаясь в дворец, размещались в своих прежних покоях. Но прежние покои Седьмой принцессы — это же Холодный дворец! Неужели ему придётся отвести её обратно туда?

Ли Чжундэ всегда славился тщательностью и предусмотрительностью. Даже когда император Цяньин, услышав о том, что Седьмая принцесса во сне получила от покойной вдовствующей императрицы рецепт пилюли бессмертия, пришёл в волнение и отдал приказ впопыхах, Ли Чжундэ не забыл заранее распорядиться приготовить для принцессы один из пустующих дворов на время её возвращения.

<http://bllate.org/book/16273/1464939>